

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.001:94(470)

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ И ФАКТИЧЕСКОЕ В ТЕХНОЛОГИИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: nikshestov@mail.ru

В статье анализируется тенденция возврата постсоветского массового сознания к представлению о патриотическом воспитании граждан как технологии, обеспечивающей заранее запланированный результат. Предлагается объяснение причин, по которым попытки государственных и общественных институтов руководствоваться этим представлением в своей публичной деятельности часто приводят к незапланированному результату, к распространению в гражданском обществе националистических настроений.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, гражданский патриотизм, национализм.

The Mythological and the Factual within the Technology of Patriotic Upbringing

N. I. Shestov

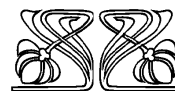
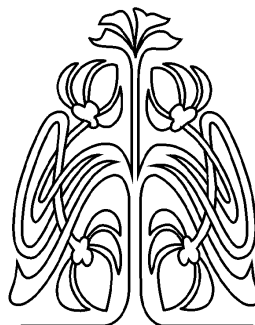
Article analyzes tendency of the return of post-Soviet mass consciousness to the idea of patriotic education of citizens as a technology that provides a pre-planned result. An explanation is offered of the reasons why attempts by state and public institutions to follow this idea in their public activities often lead to an unplanned result, to the spread of nationalistic sentiments in civil society.

Key words: patriotic education, civil patriotism, nationalism.

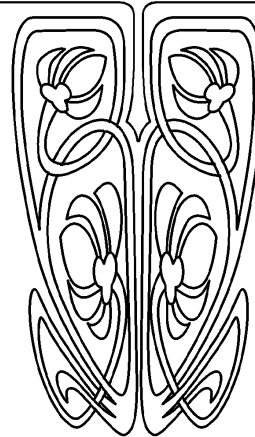
DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-185-190

Большинство современных государств и обществ заинтересованы в том, чтобы их граждане были настроены патриотически. По крайней мере, в той степени, которая обеспечивала бы национально-государственные суверенитет и безопасность. То и другое имеют первостепенное значение в условиях глобализации. В то же время большинство современных государств и обществ не заинтересованы в росте националистических настроений своих граждан. По крайней мере, в долгосрочной перспективе и в тех масштабах, которые могли бы угрожать нормальным экономическим, политическим и культурным отношениям с соседями и внутривнутриполитической стабильности. Даже там, где националистические настроения граждан *de facto* санкционируются государственными и общественными институтами, как, например, в Украине и странах Балтии, *de jure* эти настроения имеют статус легитимных «проявлений гражданского патриотизма».

Вопреки этим заинтересованностям по всему современному миру национализм, где-то более открыто, где-то менее, заявляет о себе как об одном из ведущих политико-культурных трендов начавшегося столетия. Причем как в обществах «традиционных», приверженных ценностям кланово-племенного быта, так и в обществах с давними либеральными, консервативными и социалистическими традициями национальной государственности и гражданского патриотизма. Нынешняя глобализация показывает все более отчетливо, что «прививки от национализма» на самом деле нет ни у кого. Заявляет о себе национализм восточно- и западноевропейский, балканский и турецкий, американский, российский, арабский, африканский, еврейский,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

японский и т. д. Он заявляет о себе ростом популярности радикальных идей и влияния правых политических партий и движений, научным и идеологическим конструированием новых версий историй современных государств и народов. Националистические дискурсы правых политических партий и заявления либеральных лидеров, особенно частые в США, об «уникальности/избранности» отдельных наций в современном мире стали сегодня неотъемлемой частью демократических электоральных процессов, международной дипломатии и мировых информационных коммуникаций.

Реакция современных государств и обществ, включая российские, на эту тенденцию выстроена обычно в духе социальных стереотипов, можно сказать – социально-мифологических представлений о природе патриотизма и национализма. Представлений, исторически сложившихся на европейском континенте в Новое и Новейшее время, когда шло формирование государств-наций и гражданских обществ. Когда действительно появлялись педагогические и коммуникативные (от классической литературы до пропаганды в официальных СМИ) технологии, позволявшие «со школьной скамьи» воспитывать, например, француза французским гражданином, а немца немецким гражданином. В эту эпоху сложилось стереотипное представление, что разница между «патриотом» и «националистом» такая же, в сущности, как между просвещенным и непросвещенным, нравственным и безнравственным, хорошим и плохим человеком. Это вопрос воспитанности и культурности человека. «Националист», если следовать логике такого стереотипного представления, это плохо образованный и воспитанный государством и обществом гражданин, своего рода, «брак» в системе гражданского воспитания. Это гражданин, который не научен «правильно» осознавать и «в меру» выражать свои симпатии к «своему» государству и обществу, «своим» культурным ценностям, с одной стороны. С другой стороны, он не обладает «чувством меры» в интеллектуальном неприятии «чужого» и в публичной демонстрации такого неприятия. «Патриот» же, соответственно, – это гражданин хорошо образованный и воспитанный в согласии с теми «правилами» патриотического мышления и поведения, которые для него устанавливают общество и государство. «Правила» могут меняться в зависимости от задач, стоящих в тот или иной момент перед обществом и государством, но «патриотическое» поведение гражданина как раз и проявляется в способности последнего к этим изменениям приспосабливаться. Принципиальную логику этого мифа можно представить так: только от характера политико-воспитательного воздействия институтов государства и общества на гражданина зависит выбор последнего в пользу собственной патриотической либо националистической

идентичности, в пользу сдержанного либо не сдержанного проявления своих политических и культурных симпатий и антипатий.

Миф этот находит свое оправдание в опыте развития национальных государств в XX в. Действительно, стабильность национально-государственного развития достигалась преимущественно там, где государство и общество целенаправленно занимались воспитанием своих граждан, где на уровне законов и общественной морали удавалось определить ту самую «меру» гражданского чувства, которая соответствовала интересам государства и общества. В этом отношении показателен, как представляется, опыт государственного и общественного воспитания советских патриотов в СССР. Наблюдались, правда, существенные различия в понимании того, что считать «мерой», а что ее отрицанием и продвижением в политику национализма под маркой «патриотизма». Здесь не менее показателен опыт других государств: Германии, Италии, Испании в первой половине XX в., а сегодня – Украины и стран Балтии. Этот опыт показывает, что в определенных ситуациях государства и общества могут быть заинтересованы в производстве «патриотического брака». А конкретно в том, чтобы целенаправленно воспитывать в своих гражданах убеждение, что именно отсутствие меры в проявлениях любви к «своему» государству и обществу, их истории и культуре и в проявлениях нелюбви ко всему «чужому» – это и есть «истинный патриотизм», только проискавшими врагов государства и общества получивший определение «национализм».

Иначе говоря, миф о патриотизме как воспитанном государством и обществом в человеке чувстве политической и культурной «меры» представляет собой теоретическое осмысление технологии работы государственных и гражданских институтов над форматированием гражданской культуры, над гибкостью смыслов ее ключевых индикаторов, посредством которой национальные государства не просто формируют гражданский ресурс своего существования, а обеспечивают гибкость свойств этого ресурса и свою возможность управлять этой гибкостью.

В полной мере, заметим, логике этого мифа соответствует и обширная (с участием 28 государственных министерств и ведомств, различных общественных организаций федерального и регионального уровней и включающая в себя множество разнообразных мероприятий) государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 – 2020 годы»¹. Программа, безусловно, важная и полезная. Вместе с тем следование в русле устоявшихся стереотипов о «правильном» воспитательном подходе к формированию у российских граждан патриотических настроений побудило составителей Программы обойти вниманием очевидный вопрос. Это вопрос гарантий, что в

результате своих масштабных ресурсных вложений в патриотическое воспитание граждан общество и государство «на выходе» получают именно граждан-патриотов, а не граждан-националистов. Судя по тому, что Программа не содержит прямых упоминаний о национализме, а лишь намеки на некие внешние «вызовы» делу патриотического воспитания российских граждан, ее авторы не рассматривают «патриотизм» и «национализм» как нечто взаимосвязанное. Скорее, как нечто взаимоисключающее. Тем самым вопрос гарантий как бы снимается: если ресурсы вкладываются в патриотическое воспитание граждан, то «на выходе», по крайней мере теоретически, ничего иного, кроме российского патриота, получиться не должно. Вопросы, связанные с национализмом, даже если просто следовать формулировкам названий тех мероприятий, которые включены в Программу (в формулировках упоминается только патриотизм и не упоминается национализм) – это вопросы совсем другого порядка, не имеющие прямого отношения к усилиям государства и общества по воспитанию из своих граждан патриотов.

Подход достаточно типичный для мифологического осмысления проблемы, пусть даже вполне рационального, когда абсолютизируется одна ее сторона и игнорируется другая. Одна сторона – реальная возможность для государства и общества повлиять на состояние политической культуры гражданина в выгодном для себя – патриотическом – направлении. С другой стороны, быстрый прирост сегодня националистических настроений в гражданских обществах и политических показывает, что возможность эта на самом деле где-то больше, где-то меньше, но ограничена. Государство и общество, как уже было сказано, заинтересованы воспитывать из своих граждан патриотов, а в результате этого воспитания во все больших количествах на политическую сцену выходят националисты, и часто в политической конкуренции, как показывает рост популярности правых политических партий, в современной Европе например, берут верх над «умеренными патриотами».

Откуда возникает это несоответствие между одной стороной проблемы патриотического воспитания гражданина в современном государстве, свое, как уже было сказано, вполне «работающее» решение для которой создает миф, и той другой стороной проблемы, которую обозначает отсутствие гарантированного результата от приложения общества и государством воспитательных усилий, когда «на выходе» может получиться «патриот», а может и «националист»? Вопрос практический, поскольку ответ на него позволяет в какой-то степени избежать завышенных ожиданий от воспитательных усилий общества и государства и их возможных взаимных претензий в связи с удачами и неудачами этой работы.

Когда современные специалисты по патриотическому воспитанию граждан видят источник его успехов и неудач только во внешних факторах (усилиях общественных и государственных институтов), они недооценивают другой важный момент. А именно то, что выбор гражданина в пользу «умеряемого» образованием и воспитанием (патриотического) или «неумеренного» (националистического) чувства любви ко всему «своему» и нелюбви к «чужому» – это выбор на уровне чувства. А это значит, что воспитательные усилия общества и государства представляют собой лишь одно из условий, хотя и важное, при которых гражданин становится патриотом и не становится националистом. Иначе говоря, на то, до каких отметок поднимается градус его любви к «своему» и нелюбви к «чужому», могут влиять самые разные жизненные обстоятельства, причем не обязательно политического свойства. Под влиянием этих, нередко далеких от политики, обстоятельств и возникают ситуации, когда государство и общество всеми силами старательно воспитывают патриота, устанавливают для него одну границу для проявления его политических и культурных симпатий и антипатий, а получают националиста, человека, который устанавливает для себя эту границу совершенно иначе, руководствуясь какими-то своими соображениями и ощущениями (например, множественном определении патриотизма, которые «создаются и множатся в соответствии с разными идеологическими трендами»²).

Эти обстоятельства личного выбора гражданина в пользу патриотической либо националистической идентичности могут быть бесконечно разнообразными. Но для объяснения того, как они образуют совокупность и вместе становятся фактором политико-культурного выбора гражданина, можно предложить простую формулу. Привести бесконечное разнообразие этих обстоятельств к общему знаменателю можно при помощи понятий «чувство нужности» и «чувство ненужности».

Многое в том, как человек в мыслях и действиях определяет для себя меру допустимого и недопустимого в политических и культурных симпатиях и антипатиях, зависит от ощущения им комфорта либо дискомфорта от пребывания в «своих» обществе и государстве. Это можно определить понятием «комфортность среды обитания гражданского чувства». В общем плане, будет ли чувство гражданина обладать патриотическим, умеренным либо националистическим, безмерным качеством, зависит от меры этой «комфортности». Мера же определяется тем, какова, по мнению гражданина, потребность в нем, в его талантах и его практическом участии у «своих» общества и государства. Это, используя известную формулировку из трактата Ф. Ницше «Так говорил Заратустра», внутреннее ощущение человеком того, что он «не есть человек лишний»³.

Если гражданин ощущает оптимальный комфорт, он с готовностью следует тем «правилам» патриотического мышления и поведения, которые делают его «своим» для «своих» государства и общества. Он также не видит ничего для себя проблемного в том, что правила эти могут измениться, если только он находит в этих изменениях нечто, повышающее градус его «нужности» в глазах окружающих и собственных глазах. Для советского патриотизма, например, официально установленным правилом был принцип интернациональной солидарности с трудящимися всего мира. Тот, для кого этническая, культурная, государственная принадлежность человека была важнее его классовых характеристик, считался националистом. С началом Великой Отечественной войны это правило подверглось корректировке. Для советского патриотизма по условиям военного времени этничность стала не менее важным ориентиром, чем классовость. Выражением советского патриотизма стали, например, слова писателя Ильи Эренбурга: «Мы поняли: немцы не люди. <...> Отныне слово “немец” разряжает ружье. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать. Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты думаешь, что за тебя немца убьет твой сосед, ты не понял угрозы. Если ты не убьешь немца, немец убьет тебя. Он возьмет твоих и будет мучить их в своей океанной Германии. Если ты не можешь убить немца пулей, убей немца штыком. <...> Если ты убил одного немца, убей другого – нет для нас ничего веселее немецких трупов. <...> Убей немца! – это кричит родная земля...»⁴. Об убийстве «немца», как долге всякого советского патриота, писал поэт Константин Симонов: «И пока его не убил, / Ты молчи о своей любви, / Край, где рос ты, и дом, где жил, / Своей Родиной не зови»⁵. С окончанием войны эти этнические ориентированные правила проявления гражданином своего патриотизма перестали обеспечивать ему комфортное существование в условиях мирного времени и произошел возврат к прежним, патриотически-интернационалистским правилам.

На минимум комфорта для своего гражданского чувства человек реагирует по-разному. В одних случаях, пассивно, по принципу: «Раз я вам не нужен, то и вы мне не нужны!». В этом случае гражданин, стремящийся видеть в себе «хорошего патриота», а не «плохого националиста», просто покидает пределы Родины. Это может быть покидание «малой родины», переезд, например, из села в город или из провинциального города в столицу. А может быть и выезд за рубеж. Как проявление «эмигрантского» настроения можно, вероятно, рассматривать и вариант замыкания человека в своем внутреннем мире политических и культурных рефлексий.

Во всех этих случаях пассивной реакции на ощущение своей «ненужности» человек не

перестает быть патриотом, но его патриотическое чувство приобретает «отложенный» характер. Точно такой, какой это чувство имело у русских эмигрантов «первой волны». Они, если судить по тому, что сегодня опубликовано из литературного наследия русской эмиграции, и по тому, что написано об эмиграции современными исследователями⁶, понимали, что в нынешней, большевистской, России они никому не нужны. Но они не переставали быть патриотами. Их патриотизм базировался на уверенности в «непредрешенности» политической ситуации в России и в том, что, возможно, наступит время, когда их интеллектуальные и организаторские способности будут в какой-то момент востребованы российскими обществом и государством. Этот расчет, заметим, отчасти оправдался. Их опыт, интеллектуальный по крайней мере, оказался востребован как политической практикой, так и политической наукой.

С феноменом «отложенного» патриотического чувства мы встречаемся и в советской истории. Нам сегодня кажется странным патриотический настрой тех деятелей отечественной науки, которые, например, в 30–40-е гг. прошлого века, в сталинские времена своим творческим трудом укрепляли оборонный потенциал страны, будучи несправедливо обвиненными и репрессированными, заключенными в лагерях и «шарагах». Одни из них, возможно, сохраняли искреннюю веру в коммунистическую идею, другие наверняка в ней разочаровались после перенесенных несправедливостей. Но сохранять, несмотря ни на что, патриотическое чувство им, возможно, помогало не только очевидный масштаб внешних угроз для Страны Советов, но и ощущение своей неизбежной будущей нужности обществу, власти, близким людям, науке и т. д. А потому они оставались патриотами даже в тюрьме и ссылке.

Другой, активный, вариант реакции гражданина на ощущение своей «ненужности» способен незаметно для него самого превратить его из «патриота» в «националиста». Это происходит тогда, когда патриотично настроенный гражданин делает выбор в пользу борьбы за свою «нужность» обществу и государству, доказательства ее себе и окружающим любыми доступными ему на данный момент средствами, включая те, которые он прежде, пока ему было по-граждански комфортно в «своих» обществе и государстве, считал достойными исключительно «националиста». Ощущение «ненужности» снимает с него моральную ответственность за пересечение той границы, которую патриотично настроенный гражданин прежде считал для себя безусловной. Пересечение этой границы им воспринимается как акт справедливости, компенсирующий несправедливость, проявленную, как ему кажется, в отношении него обществом и государством. Если угроза стать лишним исходит, как это ощущает патриот, от общества, от проблем, возника-

ющих у патриота на уровне текущих социальных коммуникаций, то объектом его неприятия становится общество в той части, которую патриот идентифицирует как «чужую». Патриот стремится доказать самому себе свою нужность для общества, в котором он живет. Именно по этой причине он суживает свои представления о нем до таких границ, в которых его нужность вызывает у него самого минимальные сомнения, т. е. до узкого круга «своих», противостоящего более широкому окружению «чужих». Он борется за стабильность и комфортность своего чувства нужности внешнему миру. Он выбирает максимально убедительные, как ему кажется, а потому часто радикальные средства убеждения самого себя в том, что общество и государство не могут и не должны обходиться без него, без его сил, навыков, опыта. Именно в этот момент патриот, часто не замечая этого, становится националистом. Именно в этом случае самая совершенная программа патриотического воспитания, взятая на вооружение обществом и государством и даже скопированная с прежних удачных образцов (советская система патриотического воспитания), дает сбой и не тот результат, на который общество и государство вправе рассчитывать, вкладывая свои ресурсы в дело патриотического воспитания граждан.

С этого момента начинают заявлять о себе парадоксы, трудно объяснимые с точки зрения стереотипных представлений о том, кто и как воспитывает в человеке патриота либо националиста. Человек пересекает границу, отделяющую в его сознании и в его поведении «патриота» от «националиста», не сразу, а как бы по частям. Он изживает в себе малозаметного для себя и окружающих патриота и культивирует в себе патриота, заметного всем и всюду с первого взгляда. Человек может мыслить себя и быть в своих действиях патриотом своей страны, любить свою Родину как цивилизационное целое, ее великое прошлое. Но при этом, часто вопреки собственному пониманию, например, российской истории как истории имперской, делить структуры государства и общества на «свои» и «чужие» по этническому и религиозному либо каким-то иным «националистическим» принципам. Он продолжает любить Родину в целом, но начинает не любить ее по частям. И градус нелюбви в сознании и поведении такого «патриота» станет лишь нарастать по мере того, как будет увеличиваться число тех частей, на которые ему в поисках ответа на вопрос о причинах своей «ненужности» удастся расчлнить прежние целостные патриотические представления о «Родине». Этот критический настрой может доходить до стремления изменить государственный и общественный порядок в направлении, при котором, как кажется такому патриоту-националисту, восстановится «связь времен» и к нему вернется чувство социальной и государственной нужно-

сти. Этим, вероятно, можно объяснить феномен высокой активности националистов в политических протестных движениях разного рода.

Большую роль в формировании у гражданина ощущения своей «нужности» либо «ненужности», в выборе им той или иной стратегии и тактики заявления о своих политико-культурных императивах могут сыграть факторы, формально далекие от сфер политики, идеологии и гражданского воспитания. Государству и обществу придется приложить действительно немалые творческие усилия, чтобы сформировать «патриота», ощущающего свою «нужность», из человека, испытывающего внутренний психологический дискомфорт от постоянных проблем с жильем, работой, от отсутствия перспектив карьерного роста и повышения социального статуса, от опасений за будущее своих детей. Зато есть большой шанс, что все силы и средства, вложенные обществом и государством в гражданское воспитание этого человека, станут для него ресурсом, позволяющим активно заявить о своей националистической идентичности.

Этим, возможно, объясняется тот факт, что наибольшую трудность везде и всюду для государства и общества представляет патриотическое воспитание именно молодежи – самой малозащищенной и некомфортно себя ощущающей, особенно в либерально-рыночной системе, части гражданского общества. Маловероятно воспитательными и пропагандистскими средствами предотвратить превращение в националиста того патриота, который всюду вокруг себя видит вызовы и угрозы и понимает, что общество и государство ему не защита, по крайней мере, до тех пор, пока он не заставит их обратить внимание на себя и свои проблемы.

В этом смысле либеральная политика и рыночная экономика с их акцентом на индивидуальный выбор человеком способов и средств существования представляют собой постоянный вызов мифу патриотического воспитания гражданина. Они оставляют человека один на один с самим собой в вопросе объяснения им самому себе, другим людям своей «нужности» или «ненужности». Они ориентируют его так, что, в принципе, он никому на этом свете не нужен, пока не напомнит о себе. Но у него есть «естественные» права и свободы, которыми он может воспользоваться для доказательства себе и другим своей «нужности», а может и не воспользоваться. Все это создает такой простор для индивидуального выбора гражданина в пользу патриотической либо националистической идентичности, при наличии которого воспитательные усилия общества и государства, какие бы силы и средства не были бы в них вложены, представляют собой лишь вспомогательный фактор.

Не имеет вместе с тем смысла перекаладывать всю ответственность за нынешние трудности в патриотическом воспитании российских гражд-

дан на либеральную политику, как и надеяться, что если в российской политике возобладает консервативный тренд, то он обеспечит прорыв в деле патриотического воспитания граждан. Конечно, консервативная политика в целом создаст более благоприятную «среду обитания» для патриотического чувства. Она предоставляет гражданину меньше индивидуальной свободы в выборе политико-культурной идентичности. Но она, как показывает политическая практика, не есть сама по себе гарант комфортного существования гражданского чувства в сложном пространстве межлических и межгрупповых, общественно-властных коммуникаций. Когда в этом сложном пространстве возникают конфликты и кризисы, консерваторы-патриоты легко превращаются в консерваторов-националистов (как это было в последние десятилетия существования Российской империи, например, или в 20–30-е гг. прошлого века в Германии и Италии). Дело не в самих по себе содержательных особенностях идеологии. Главное заключается в том, получает человек или не получает в политической и неполитической жизни, построенной (как это часто бывает в современных обществах) по канонам этой идеологии, подкрепление своему чувству востребованности себя и своих личностных достоинств окружающими его людьми, социальными и государственными институтами. Если ощущает такую востребованность, если видит себя «не лишним», то человек становится па-

триотом в условиях любой политической системы, как авторитарной, так и демократической, и в условиях любой политической культуры, как активистской, так и подданнической и любой другой. Он просто чувствует себя комфортно в данной политической системе в качестве носителя определенной культуры и не ощущает потребности кому-либо и что-либо доказывать и навязывать из своих ценностей и представлений.

Примечания

- 1 См.: О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». URL: <http://government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAEgrx2dE4q0ws.pdf> (дата обращения: 21.02.2017).
- 2 Вилков А. А., Колесников К. Ю. Особенности предметного пространства политологического анализа патриотизма // Вестн. МГОУ (Электронный журнал). 2015. № 1. С. 2. DOI :10.18384/2224-0209-2015-1-629.
- 3 Ницше Ф. Так говорил Заратустра. URL: <http://lib.ru/NICSHF/zaratustra.txt> (дата обращения: 26.11.2016).
- 4 «Убей немца» в советской пропаганде. URL: <http://propagandahistory.ru/648/Ubey-nemtsa-v-sovetskoj-propagande> (дата обращения: 26.11.2016).
- 5 Там же.
- 6 См.: Митрохин В. А. Русское Зарубежье : поиск идей и политическая практика (20–30-е годы XX века). Саратов, 2001.

Образец для цитирования:

Шестов Н. И. Мифологическое и фактическое в технологии патриотического воспитания // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 185–190. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-185-190.

Cite this article as:

Shestov N. I. The Mythological and the Factual Within the Technology of Patriotic Upbringing. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 185–190 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-185-190.
